

ISSN 0006-1808

БИБЛИОТЕКАРЬ

9 · 1981

Г. ВАСИЛЬКОВСКИЙ

ВЕЧНАЯ НАША БЛАГОДАРНОСТЬ

Начальник немецкой фельдкомендатуры в Нежине Канте появился у здания институтской библиотеки днем и не один. Его сопровождали в машине два автоматчика с собакой, переводчик и местный полицейский. Он был давнишним жителем Нежина, хорошо знал город. Как только немецкая машина остановилась, полицейский первым соскочил на землю, угодливо открыл дверцу, пропустив офицера вперед. «Библиотека не работает» — прочитал он написанные от руки слова.

Полицай и солдаты забарабанили в дверь и окна здания. Увидев это, жители начали собираться и заполнять улицу Гоголя, ожидая дальнейших событий. Они не впервые с болью наблюдали, как оккупанты, ворвавшиеся в Нежин 13 сентября 1941 года, размещали свои военные, карательные и административные учреждения. Здание Нежинского педагогического института имени Н. В. Гоголя гитлеровцы превратили в госпиталь, комнату-музей Гоголя — в кухню. Общешитые студенты — под фельдкомендатуру, в здании горсовета — мадьярская жандармерия. Не было дня, чтобы оккупанты не жгли, не арестовывали, не расстреливали...

И вот теперь — библиотека Нежинского педагогического института. Она находилась в центре города, в каменном здании бывшего купеческого клуба. Двухэтажный дом с подвалом, 14 комнат, здесь хранилось более 300 000 томов. Книги XV—XX веков на многих языках мира. Этим собранием гордились, дорожили. Толпа горожан перекрыла улицу. Тогда по приказу офицера солдаты стали разгонять народ. Двери отворились, на пороге казалось бы мертвого дома стояли две женщины с бледными взволнованными лицами. — Кто вы есть? — спросил лейтенант, указывая хлыстом то на одну, то на другую. — Директор, библиограф — прекрасно. Идите вперед, покажите помещение.

«Когда неожиданно появились в библиотеке немцы, — рассказывала потом директор библиотеки Нина Георгиевна Наркевич, — у нас с Зинаидой Константиновной сжались от боли сердца, пересохло в горле. Что будет с книгами, выбросят или сожгут? Где искать защиту? Жаловаться? Кому?..»

С того дня, 24 августа 1941 года, когда Нежинский институт приостановил свою работу, в связи с наступлением немецких армий, по распоряжению Комиссариата Просвещения Украинской ССР, он стал готовиться к эвакуации в Уральск. Мы, библиотекари, были заняты хлопотами по спасению институтской библиотеки. Сначала ректорат планировал вывезти ее в Уральск. Но после того, как эшелон с преподавателями, студентами, книгами и архивом института попал на

станции Гомны в руки гитлеровских десантников, от этого плана пришлось отказаться.

Перед отправкой из Нежина последнего эшелона ректор института И. М. Гречко собрал всех библиотекарей, которые оставались в городе и, прощаясь с ними, сказал: «Вот вам, друзья, ваш начальник Нина Георгиевна, помогайте ей. А вам, товарищ Наркевич, ключи от нашей родной библиотеки. Смотрите за ней. Берегите ее. Сохраните ее — вечная вам всем благодарность от тех, кто вернется с фронта, и тех, которые появятся на свет, и будут потом учиться в нашем институте».

Все, кто тут были, помню, заплакали. Ректор поклонился, попрощался и отбыл на фронт. Оставшись вдвоем с Зинаидой Константиновной Константиновой, мы спустились в подвал библиотеки, нашли старые доски, забили окна. А чтобы книги были под постоянным присмотром, переселились в библиотеку. Пусть знают, что тут есть живые люди, хозяева».

Ночами было жутко. За городом в глиняных карьерах кирпичного завода оккупанты расстреливали советских людей. У мадьярской жандармерии, которая находилась почти рядом с библиотекой, визгливо играли на губных гармониках пьяные солдаты.

Спокойнее, безопаснее теперь для этих двух немолодых одиноких женщин было бы оставаться в своих домах, подальше от страха и людских страданий. Но вот они поселились здесь. Библиотека — храм разума, красоты, свободы...

Шла беспримерная в истории человечества война — не только армий, танков и самолетов. Война мировоззрений, человеческих характеров. Слабые женщины, они решили выстоять перед изувеченным настоящим, не потерять достоинства перед добротой и верой будущего. И потому защищать великие ценности человеческой культуры.

Обойдя все комнаты и подвал библиотеки, немцы после краткого совещания предложили Наркевич и Константиновой немедленно освободить весь первый этаж от книг и мебели; «Тут разместятся солдаты фюрера. Срок исполнения — сутки». Сутки — семь комнат, 120 000 книг.

«До войны мы были немножко наивными мечтателями, а тут жизнь вдруг навалила столько проблем, вопросов, немедленно требующих решения. Бросились спасать библиотеку. Пошли по домам оставшихся в городе библиотекарей и стали переносить книги с первого этажа в подвал,

на второй этаж. Небольшую часть положили в шкафы и закрыли их на замки.

К добру это не привело. С первых же дней солдаты, сбив замки со шкафов, стали топить печи книгами, лещенками, столами. Иллюстрированные издания, особенно на немецком языке, разграбили. Уничтожали жестоко советскую литературу, учебники по истории СССР и УССР, украинской и русской литературе. Стало ясно: на этом немцы не остановятся. Мысль, что книги погибнут, заставила преодолеть страх. В отсутствие солдат мы перепесели на второй этаж то, что осталось в шкафах. На какое-то время опасность ослабела, солдатам завезли дрова, и они стали топить ими печи».

Зима 1942 года была студенкой и голодной. Наркевич и Константинова не получали ни продуктовых карточек, ни денег, но не искали работы на бирже. Жили на то, что удавалось обменять или продать на черном рынке из личных вещей. Недоедали. Спали в неотопляемой комнате, не раздеваясь. Заходили не с главного хода, а со двора, через подвал, по черному ходу поднимались на второй этаж. Света не зажигали.

В феврале 1942 года положение ухудшилось. Неожиданно пришли вооруженные солдаты в сопровождении представителя фельдкомендатуры оберфельдфебеля Петера и приказали Наркевич снова показать им все помещение и фонды библиотеки. «С удивлением оглядывали они книжные полки: Их удивляло огромное количество книг в библиотеке такого небольшого города. А когда Константинова объяснила, что библиотека принадлежит старинному высшему учебному заведению, и тесно связана с именем великого русского писателя Н. В. Гоголя, фельдфебель чванливо заметил, что такого писателя он что-то не помнит и, обратившись к полицаям, справился, а не коммунист ли этот Гоголь».

Из дальнейших разговоров немцев стало понятно, что оккупанты намерены уничтожить библиотеку, а здание передать мадьярской фельдкомендатуре. Чтобы не допустить этого, Нина Георгиевна и Зинаида Константиновна решили пойти на крайность. Упросив преподавателя немецкого языка института Елену Дмитриевну Замыслову, втроем они отправились в немецкую комендатуру к самому фельдкоменданту майору Ринге. Шаг был весьма рискованный. Учреждение это, как и дом, где оно помещалось, пользовались дурной славой. Тут

гитлеровцы жестоко мучили арестованных советских граждан, отсюда редко кто возвращался.

Можно предстать, какую силу воли, мужество надо было иметь, чтобы добровольно пойти в это логово. Они пошли. Комендант был немало удивлен смелостью женщин. А когда с ним заговорили на чистейшем немецком языке, спросил: «Откуда фрау так прекрасно знает немецкий язык?» — «Я окончила Сорбоннский университет, а стажировку по немецкому проходила в Берлинском университете». — «О, так мы с вами, фрау, учились почти в одном высшем учебном заведении».

Подобрав, Ринге стал разговаривать гораздо дружелюбнее. Он выслушал просьбу пришедших и тут же сказал, что дать обещания не занимать здание библиотеки не может, но отодвинуть срок выполнения приказа обещает на месяц.

Обращаясь к Наркевич, комендант, приняв прежний вид, строго предупредил: «Библиотеку вашу придется почистить от коммунистических книг. Завтра мы пришлем список запрещенной литературы. За невыполнение приказа фрау директор будет наказана по законам военного времени».

«Мы вышли из фельдкомендатуры, — вспоминала потом Константинова, — ни живы, ни мертвы. Как только там выстояли! Полчасика показались вечностью. Вывели нас немецкие солдаты с автоматами и, когда закрылась дверь, мы с жадностью глотали свежий воздух.

Чего мы добились? Пусть временной, но все же отсрочки, надеялись подыскать за это время какое-нибудь помещение.

На другой день нам принесли из комендатуры список запрещенной литературы. Тут было более пятисот наименований, и среди них сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленина, В. Г. Плеханова, Карла Либкнехта и Клары Цеткин, И. В. Сталина и Августа Бебеля.

Из художественной литературы надлежало изъять М. Горького, всех советских поэтов и писателей, из зарубежных — Г. Гейне, Э. Потье, М. А. Нексе, И. Бехера, В. Бределя, А. Зегерс, Л. Арагона, Р. Роллана и многих других. Всю эту литературу надо было сдать фашистам для уничтожения. На городской площади они готовились устроить аутодафе».

Наркевич и Константинова пошли на хитрость. Вдвоем за сутки они перенесли всю марксистскую литературу, советскую классику и произведения зарубежных писателей в подвал, заложили ими ниши и замаскировали церковными книгами, а также книгами на греческом и латинском языках. Но ниш не хватило. Тогда они стали складывать запрещенные немцами книги в темных, неосвещенных углах вдоль стен на пол, выложив предварительно его толем и картоном. Складывали книги штабелями: слой книг, слой картона, а потом все это засыпали битым кирпичом, известью, мелом, всяким мусором, сверху набросали битых ящиков, досок, макулатуры.

Они понимали, что рискуют жизнью. Организовали выдачу нежинцам книг и журналов — что ж, пусть дореволюционного периода.

«Ринге разрешил нам выдавать такие журналы, как «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русское богатство» и даже «Вестник жизни». Он не был осведомлен, что среди авторов «Вестника жизни», например, были запрещенные М. С. Ольминский, В. Ульянов, В. Воронский, М. Горький, А. Луначарский. Но мы-то знали.

Выдачу книг и журналов наладили в небольшой комнате первого этажа (где теперь идет обработка книг). Этот уголок был важным местом в жизни Нежина в период оккупации. Сюда приходили нежинцы, хорошо знавшие друг друга. С оглядкой передавали последние известия с фронтов войны и местные новости. Естественно, сюда иногда показывались полицай.

«Однажды из немецкой комендатуры нас предупредили, что на следующий день сюда прибудет грузовая машина, чтобы забрать всю коммунистическую литературу из библиотеки. Закрыв выдачу книг и библиотеку, мы стали думать, что нам делать, не сдавать же в самом деле уже спрятанную марксистскую литературу. Об этом и речи не могло быть. И тут мы вспомнили, что у нас имеется выбракованная еще до войны литература по социально-политической тематике: старые учебники, брошюры. Немедленно стали наполнять ими ящики. Набралось четыре ящика. Кое-как забили их гвоздями. На следующий день сдали под расписку груз двум немцам и полицая. Машина уехала, а на душе было спокойно. К счастью, все обошлось благополучно. Как нам потом рассказали, макулатура была сожжена в топках котельни самой комендатуры. Не прошло и двух дней, как в библиотеку снова нагрянули немцы с полицаями — проверить. Осмотрели все полки. Особенно старались четверо местных полицаяев. Заглянули и в подвал, осветили фонарями ниши и углы, но ничего не нашли. На руках у нас была расписка о сдаче «коммунистической литературы в количестве четырех ящиков», и мы предъявили ее.

Как мы себя чувствовали в ту минуту — лучше не спрашивать. Ощущение было такое, будто ты вот-вот сейчас провалишься. Наконец немцы ушли. Мы закрыли библиотеку и отправились домой. Сил не было. Легли спать и проспали добрых полсутки».

Прошла зима 1943 года. После Сталинградского поражения немцев стало ясно: скоро, скоро кончится господство их на нашей земле. Это подтверждалось и большим скоплением в Нежине раненых немецких, мадьярских, итальянских, румынских солдат. Они явно не хотели уже воевать. Да и внешний вид самих немецких офицеров значительно изменился: куда девались прежняя чванливость и высокомерие.

Наплыв раненых был так велик, что оккупанты стали искать новые помещения для госпиталя. И снова их внимание привлекло здание институтской библиотеки. В начале февраля 1943 года Нину Георгиевну Нар-

кевич неожиданно вызвали в комендатуру. На этот раз не в немецкую — в полицейское управление. За ней прислали двух вооруженных полицаяев.

«Я сильно была взволнована этим вызовом, — вспоминала Наркевич, — и все думала, что могло случиться? Зачем конвойные? Может быть, пронюхали о спрятанной марксистской литературе? Но об этом знала только одна душа — Константинова, которой доверяла как себе самой. Возможно, полицай как-нибудь узнали о моем участии в революционном движении Нежина 1905 года? Я терялась в догадках, не зная, что и подумать.

В полиции выяснилось, что моя особа тут не при чем. Приказали очистить всю левую половину здания библиотеки. И сделать это как всегда — немедленно. Стала было спрашивать начальника полиции, но он перебил меня и угрожающим тоном сказал: «Досить мене агитувати. Це вам не Радянська влада. Дано наказ, виконуйте! Не виконаєте — пожалкуєте!

Тогда с Е. Д. Замысловой попытались еще раз обратиться к Ринге, но он нас не принял, и мы поняли, почему меня вызвали в городское полицейское управление. Вопрос у них согласован. Оставалось одно — выполнять приказ: освободить всю левую половину первого и второго этажа от книг. Но куда их девать?

Рядом, с левой стороны институтской библиотеки, находилось почти впритык одноэтажное здание городской библиотеки. Мы достали ключи, собрали оставшихся в городе служащих институтской библиотеки и в течение дня перенесли сюда весь книжный фонд левой стороны. Когда уже все было сделано, Зинаиду Константиновну вдруг что-то осенило: «А знаете, Нина Георгиевна, что мы

730 дней в период фашистской оккупации провели в этом здании библиотеки Нежинского педагогического института имени Н. В. Гоголя Нина Георгиевна Наркевич и Зинаида Константиновна Константинова.

не хорошо сделали? Самые ценные старинные издания, почти уникальные, вынесли отсюда. А если что случится? Где их лучше спасти: у нас в подвале или тут в городской?

И мы, засучив рукава не чувствуя усталости, стали обратно переносить из городской библиотеки в подвал своей редчайшие издания XVI—XVIII веков: «Илиаду» и «Одиссею» Гомера, произведения Сократа, Софокла, Еврипида, Аристотеля на древнегреческом языке, «Энеиду» Вергилия — на латинском языке (издания 1547 года), «Арифметику, сиречь науку числительную» (1703 год) Магницкого, «Граматику словесную» Мелентия Смотрицкого (1618), «Слово о полку Игореве» (1800), первое издание «Энциклопедии» Д. Дидро на французском языке (1751), рукописные гетьманские универсалы XVII—XVIII вв., Нежину подаренные сочинения Ломоносова (1794), Радищева (1807) и другие. Эта работа, хотя и стоила огромного напряжения всех сил, и физических, и моральных, не пропала напрасно: редчайшие издания, которым нет цены, были спасены от верной гибели».

В начале августа 1943 года нежинцы уже хорошо знали, почему немецкая армия «сокрушает фронт», были твердо убеждены, что их родной Нежин скоро будет освобожден. Об этом читали в листовках, разбрасываемых с наших самолетов, в новость откуда появлявшихся воззваниях, напечатанных чьей-то бесстрашной рукой.

В сентябре события стали разворачиваться быстро. Гитлеровцы уже готовились к отступлению. Напоследок, «очищая» тюремные застенки, расстреливали десятками беззащитных узников, подрывали лучшие здания Нежина и те, в которых были магазины, клубы, столовые, кинотеатры, больницы и аптеки. 12 сентября они стали эвакуировать госпитали, освободили даже занятую левую часть здания библиотеки. Наркевич и Константинова хотели спрятанные в городской библиотеке книги перенести обратно, но опоздали. Бросились в городскую библиотеку, а там к их удивлению оказались немцы, с ящиками, шнуром, лопатами. «Как нам потом объяснили, то были немецкие саперы. Они закладывали взрывчатку...

Страшная догадка промелькнула в голове: если городскую хотят взорвать, то, наверное, та же участь ожидает и нашу. Забыв об опасности и страхе, мы бросились обратно на свое подворье: немцев тут не было, не было и ящиков, и шнура. Опустились в подвал — все на своих местах. Значит, еще придут.

В ту ночь с 12 на 13 сентября, конечно же, не спали. Вокруг города пылали зарева пожаров. Особенно их было много на востоке, где в течение двух последних дней шли ожесточенные бои за Нежин. Там безостановочно гремела артиллерийская канонада, рвались авиабомбы. И среди этого сплошного гула и воя вдруг где-то недалеко раздался взрыв оглушительной силы. Немцы подорвали старинное, самое красивое в Нежине здание классической архитектуры начала XIX века на улице Красных Партизан. Оно было почти ровесником Нежинской гимназии высших наук,

Н. Г. Наркевич

З. К. Константинова

построено по проекту выдающегося архитектора России А. Д. Захарова.

13 и 14 сентября бои за Нежин ожесточились. Немцы спешно вывозили из города награбленное добро. То, что не могли вывезти, предавали огню. «Мы уже начали было думать, что гитлеровцы в суматохе отступления забыли о нашей библиотеке. Но ошиблись. Немцы оставались пунктуальными и в эту минуту: аккуратно, последовательно выполняли свой варварский план разрушения Нежина.

Когда мы утром 14 сентября выглянули из окна библиотеки на улицу Гоголя, то увидели сплошной дым и догоравшие остатки строения. Вся улица и площадь были забиты немецкими машинами. Танки, бронетранспортеры, артиллерия, пехота и машины с ранеными бесконечным потоком двигались с востока на Киев, не останавливаясь в Нежине. Картина отступающего врага подымала такое радостное настроение, что хотелось кричать и петь. Однако радоваться было еще рано.

Обернувшись к окну, выходящему во двор библиотеки, оцепенели: те же самые немецкие саперы, которых мы видели вчера в здании городской библиотеки, теперь протягивали шнур через двор в подвалы нашей библиотеки. Из окна нам было видно, как они снимали с машины металлические ящики и заносили в подвал через выбитые рамы окон. Что делать?

Саперы закончили свою «работу», сели в грузовую, покрытую брезентом, машину, вывели ее со двора, закрыли за собой даже ворота на замок и уехали к очередному объекту.

Хотя мы и не были военными, но план у нас созрел почти мгновенно: перерезать или как-то перебить шнур. Тихо вошли через подвал на подворье, огляделись по сторонам. Сквозь щели досок забора была видна пустая улица. Теперь самое время действовать, но под руками, как назло, ничего подходящего, кроме небольшого куска чугунной канализационной трубы. Мы подняли ее и начали бить по шнуру. Били поочередно. Одна била, другая стояла у забора: не идут ли немцы? Вскоре обнаружилось, что это не

запальный шнур, а электрический кабель с медной проволокой. Начали гнуть проволоку то в одну, то в другую сторону. Сколько ушло у нас на это времени, не знали. Торопились страшно. Перекрутив кабель, загнули концы проволоки подальше друг от друга, уложили в прежнюю колею, засыпали песком и сухой травой и только тогда разрешили себе вернуться в помещение библиотеки. Закрылись изнутри, поднялись наверх, немного отдышались и стали наблюдать из окна: никого не было.

Только тут, присев на стулья, мы обнаружили, что руки и пальцы наши кровоточат и ноют, грязные от ржавчины и земли. Ну и пусть. Беспokoило одно — вернуться или не вернуться сюда саперы для проверки? Но они не вернулись...

С востока все отчетливее надвигалась, все ближе гремела артиллерийская канонада. Разрывы снарядов и бомб сливались со сплошным гулом советской и вражеской авиации, танков и самоходок. В эту ночь наверняка никто из нежинцев не спал. В домах нигде не светились огни. Но люди сидели у окон. Гитлеровцы отступали по всем улицам города. «Шнель!», «Шнель!», «Шнель!», «Шнель!» — слышалось одно и то же немецкое слово. А потом как-то сразу наступила тишина, и среди ее обманчивой минуты неожиданно раздался взрыв огромной силы, один... другой...

«Мы в ту минуту находились с Зинаидой Константиновной в сторожке дома Нежинского архива (церковь Иоанна Богослова), что рядом с институтской библиотекой. Посоветовавшись между собою, решили в эту ночь расположиться где-то недалеко от библиотеки: ведь саперы могли вернуться и проверить кабель. Когда прогремел первый взрыв, у нас замерли сердца, похолодели руки и ноги. Взрыв был совсем рядом. От взрывной волны вздрогнули стены и посыпалась штукатурка. Закричали птицы. Мы бросились к окну сторожки, глянули: наша библиотека стояла целая, но в дыму. За ней что-то горело. Мы поняли: немцы взорвали городскую библиотеку.

Первым побуждением моим было ринуться туда, где горели книги. Но Зинаида Константиновна схватила меня за руку: «Куда вы, Нина Георгиевна? Обдумайте! В ночь?» — она не пустила меня, и это было сделано вовремя, так как через несколько минут воздух рванул новым взрыв. Снова бросились к окну — наша библиотека все еще стояла на месте, полыхало соседнее с ней здание аптеки. Дрожь прошла по всему телу: неуверенно сейчас решится судьба нашего книгохранилища? Однако сколько мы не напрягали слух — третьего взрыва не последовало. Понемногу светлело. Где-то послышался едва различимый треск мотоциклов. Он все более и более усиливался с восточной стороны.

Мы открыли окно сторожки. Совсем недалеко громко кричали женские и мужские голоса: «Наши! Наши! Роденькие! Советская Армия! Выходите, добрые люди, встречать своих! Своих!»

Кинулись на Гоголевскую улицу. Несмотря на ранний утренний час, на ней уже было много народу. Кое-

как одетые, нежинцы стояли по сторонам, а по центру спокойно двигались советские мотоциклисты, саперы, пехотинцы. Общая радость охватила людей. Они бросились к пехотинцам, обнимали, целовали их. Мы были счастливы, только тревога не исчезла. Ведь библиотека оставалась заминированной. Надо было немедленно найти саперов.

✓ Пять солдат вместе с лейтенантом охотно согласились помочь нам. Привели их на подворье, показали издали место, где проходит кабель, который мы перебили, и хотели было вести их дальше, но они запретили это делать. Достали миноискатель, проверив двор, открыли сами подвал и, войдя туда, обнаружили, как они сказали, «фугасы». Вскоре прибыла грузовая машина. Солдаты вынесли и осторожно уложили 12 металлических ящиков взрывчатки. Когда машина покинула двор, лейтенант сказал нам: «Если бы эти фашистские «гостинцы» взорвались, здесь ничего кроме золы и разбитых кирпичей не осталось бы».

Зволнованные благодарили мы

саперов, не могли сдержать слез, вытирали их просто руками.

Не знаю, часто ли дарили цветы этим женщинам. При жизни они не были избалованы особым людским вниманием. Да и не многие, даже из тех, что ежедневно приходили к ним в библиотеку, знали о том, кому обязаны самой возможностью приходить сюда, читать именно эти книги. Нина Георгиевна и Зинаида Константиновна героями себя не считали. Они были очень скромными людьми и не любили, чтобы о них говорили. «Напечатать статью в газете? Да Вы просто обидите нас! Люди скажут: вот, мол, расхвастались...»

Ни Наркевич, ни Константиновой нет уже в живых. И этим рассказом, в который вошли записанные мною много лет назад воспоминания замечательных женщин, я не обижу их. Пусть же молодежь, которая учится сейчас и будет потом учиться, знает, кому она обязана тем, что одно из богатейших наших книжных собраний сохранилось и служит нам. Пусть же не канет в Лету то, что достойно вечной людской памяти.

ИЗДАНИЯ ИНФОРМКУЛЬТУРЫ В 1982 ГОДУ

тели с аннотированной описью литературы. Выходящие ежемесячно, они снабжены несколькими дополнительными указателями: тематическим, региональным, именованным, перечнем использованных периодических изданий.

Ценная информация заключается в научных реферативных сборниках. Из огромного потока литературы по отрасли реферированы наиболее актуальные статьи, брошюры, книги.

Наиболее оперативное издание — экспресс-информация, где отражаются важнейшие события в области культуры и искусства в стране и за рубежом: конференции, симпозиумы, съезды, конгрессы, фестивали, мероприятия Министерства культуры СССР.

Обзорная информация — самый серьезный жанр среди изданий Информкультуры. Каждый обзор суммирует и анализирует литературу по конкретной теме за период пять-десять лет.

В 1982 году в серии «Библиотекведение и библиографоведение» выйдет

традиционный обзор «Библиотекведение в СССР в 1979-1980 гг.», в котором будут проанализированы важнейшие итоги научных исследований, выполненных в рамках координационного плана научно-исследовательской работы на 1976-80 годы. Тема другого обзора той же серии — «Проблемы формирования библиотечных фондов».

В серии «Общие проблемы культуры и культурного строительства» выйдет обзор «Наука в системе культуры». Особое внимание в нем будет уделено значению науки в воспроизводстве культуры и в культурном творчестве. Возможности описания культуры и ее процессов — еще один важнейший аспект этого обзора.

Кроме перечисленного, Информкультура издает методические материалы для органов информации по культуре. В плане 1982 года — выпуск «Организация информационной работы по культуре и искусству».

Распространяются они только по подписке.

ГАРМОНИЯ МУЗЫКИ И ПОЭЗИИ

Молодость — пора поэзии. Есть даже выражение «переболеть поэтической корью», то есть отдать дань той тяге к рифмам, которая непреодолимо одолевает юных. Болезнь версификаторства в какой-то степени даже полезна: не обязательно становиться стихотворцем, но можно научиться лучше понимать поэзию, разбираться в тонкостях стихосложения. Остается, однако, немало и тех, для кого «поэзия святое ремесло» оказывается за семью печатями. Да, учили классиков в школе, а сейчас всему на свете предпочитают... гитару. Как

приобщить этих подростков к миру поэтического творчества? Заведующая пензенской библиотекой № 2 имени М. Е. Салтыкова-Щедрина Л. Н. Балакина решила не игнорировать их интересов и организовала вечер, название которого — «Наш друг — гитара» — привлекло ребят со всей округи. В читальном зале была устроена выставка музыкальной литературы, молодежных журналов, а в качестве иллюстраторов музыкальных фрагментов пригласили ансамбль гитаристов Дворца культуры «Заря». Под звуки гитары звучали

прекрасные стихи Гарсиа Лорки, Хосе Марти и других замечательных поэтов.

А в областной юношеской библиотеке клуб любителей поэзии «В мире прекрасного» провел цикл вечеров, объединивших музыку и поэтическое слово. Главная задача клуба — пропаганда творчества современных советских поэтов. Одна из клубных встреч была посвящена новым сборникам Р. Гамзатова, А. Вознесенского, Б. Окуджавы. На вечере, где шла речь о поэзии Р. Рождественского, звучали не только его стихи, но и песни. Теперь на очередную встречу в клуб «В мире прекрасного» приглашены пензенские поэты и музыканты.

Н. АЛЕКСАНДРОВА